Алексей Фирсов.

Статья Невыносимая узость бытия подготовлена специально для газеты Известия».

Любой брошенный в общественное сознание камень – в виде скандальной выставки, дискуссии по абортам, памятника Ивану Грозному и так далее – моментально разносит российский социум по двум политическим идентификаторам: «либерал» или «консерватор». Другие возможные шкалы, к примеру, эстетические, экономические или нравственные, оказываются вторичными. Как будто невидимый идеологический магнит моментально собирает вокруг своих полюсов металлическую стружку всех прочих явлений.

Эта же особенность создает проблему для нейтрального высказывания. В сложившейся системе отсылок и толкований публичное сообщение теряет право на нейтралитет. В лучшем случае возможна дружественная или враждебная нейтральность. Высказывание здесь лишено возможности быть просто высказыванием: оно служит чьим-то интересам, оно встроено в сложный ландшафт и предполагает несколько уровней интерпретации.

История с памятником Ивану IV Грозному в Орле служит здесь показательной иллюстрацией. Как месяц тому назад общественность неожиданно осознала себя в роли экспертов по детской порнографии, а чуть позже по абортам и женскому вопросу, так сегодня пробил час историка. Сторонники монумента оказались в рядах черносотенцев, противники – русофобов. Хотя теоретически разговор мог идти совсем по другим линиям: избавление царя от груза символизма, фиксация его как элемента прошлого, выбравшего в силу самых разных причин из огромного количества исторических развилок одну – и тем самым определившего существование всех дальнейших поколений. Уже этим заслужившего свой кусок гранита.

Такая внутренняя идеологическая заряженность общества является, безусловно, интересным социологическим явлением. Ситуация для России не новая, по меньшей мере со второй половины XIX века; она достигла предельных состояний в период революционных изменений, что, к примеру, обусловило тотальную репрессивность сталинской модели: в общественном пространстве просто не осталось места, свободного от политических маркировок. Террор выступил прямым продолжением сформировавшегося типа сознания.

Но интересно, что и сегодня общество функционирует в прежней, пусть и ослабленной, парадигме. Или такая постановка – явное преувеличение, проецирование виртуальных фейсбук-споров на реальный социум? Однако и в прошлом участников идеологических дискуссий было совсем немного по сравнению со всем массивом населения, однако свойство истории состоит в том, что оно в конечном счете оставляет пространство за теми, кто умеет говорить, а не предпочитает молчать.

Хорошо, но в чем тогда причина такой электризации процессов? Принципиальный ответ такой – в отсутствии институтов, которые формировали бы границы политического пространства, его собственные пределы, не позволяя ему расползаться по другим сферам жизни. Почему, к примеру, таким институтом не является «Единая Россия»? Потому что по своей природе это другое явление – ЕР это «суперинститут», являющийся стабилизатором системы. Структура вобрала в себя большое количество фигур, контролирующих различные процессы на локальном или федеральном уровне. Внутри этой «суперпартии» есть свои центры сил, свои притяжения и отталкивания, которые никак не зафиксированы в публичном поле.

В совершенно критическом состоянии оказалась либеральная – вербально наиболее активная – часть социума. Нет ни одного институционального ориентира, который определял бы направления либерального дискурса. Да что институты, нет даже личностного авторитета, который взял бы на себя эту задачу. В итоге либеральное сообщество консолидируется, скорее, не в рамках

возможной позитивной повестки, но отталкиваясь от противного — от явлений, которые воспринимаются как угроза: смена редакторов федеральных изданий, закрытие выставок или установка памятников.

Не в лучшей ситуации, впрочем, и консерваторы. Попытка через несколько фондов создать центры консолидации консервативной мысли провалилась из-за полной технологической недееспособности. Ресурсы были растрачены впустую, вернее на проведение круглых столов, литературных изданий для узкого круга (которые, впрочем, и в нем никто не читал) и малоосмысленных исследований, которые сошлись на том, что русский народ не чужд традиционалистских начал. Выйти на проективный уровень не получилось.

Одна из главных задач сейчас — создание таких «центров мысли». По крайней мере на них есть очевидный запрос. Без этой работы неструктурированное общественное сознание будет способно к самым неожиданным завихрениям.